

A close-up of a creature's face, possibly a troll or goblin, with large, wide green eyes and a textured, brownish-green skin. The creature's face is the dominant background element. In the foreground, a person wearing a red hooded cloak is partially visible, looking down. The overall mood is dark and mysterious.

Алексей Тенчой

*Бродячий
музыкант*

Алексей Тенчой
Бродячий музыкант

«Издательские решения»

Тенчой А.

Бродячий музыкант / А. Тенчой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904157-9

Это повесть о бродячем музыканте. Несмотря на тяжелые испытания, он нашел в себе силы раскаяться в содеянных преступлениях. И обрел прощение и доброе сердце.

ISBN 978-5-44-904157-9

© Тенчой А.
© Издательские решения

Содержание

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Бродячий музыкант

Алексей Тенчой

© Алексей Тенчой, 2020

ISBN 978-5-4490-4157-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю благодарность моему Учителю Далай-ламе XIV!

ГАНГРИ РАБЭ КОРБИ ШИНКАМ-СУ
В стране, окруженной грядой снежных гор,
ПЕНДАН ДЕБА МАЛЮ ДЖЮНБИ-НЭ
Источник всей без исключения помощи и счастья,
ЧЕНРЕСИГ-ВАН ТЕНЗИН ГЯЦО-И
Авалокитешвара – Тензин Гьяцо,
ЩАБПЭ СИ-ТИ БАРДУ ТЕНГЮР-ЧИГ
Нерушимо пребудь до завершения сансары!

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Во лесу ли, в огороде, поле чистом, во саду...,
На лужайке при дороге, на зеленом берегу...,
Появилось жить за маской, с человеческим лицом,
Нечто с тёмною душою, изворотливым умом.

К этой сказке нет названья, у нее – любое имя,
В эту песню всяк, вольется, коли шоры с чела снимет.
Пусть она вас не пугает, в ней отыщешь тайный знак,
Есть такая же, другая, в ней герой – иной чудак.
Говорят, то – сон двуликий, что однажды начал сниться...
Только ЭТА песнь о миге, сказка о прекрасном принце!

«Скоморохи шли ватагою,
Баловались медом с брагою.
Повстречали барина-боярина,
Кривоногого татарина.
Стали песни с ним играть,
Величать, да потешать.
Как у барина-боярина
Все изжарено да сварено.
У боярина жена лакома,
Отвернет на сторону,
Да не всякому.
Боярыня, открой дверь,
Боярин едет.
А боярин свою прыть —
Цыть.
Вы, скоморохи,
Все воры и пьяницы,
Вас кнутом секут
От пятницы до пятницы.
Козлы да бродяги,
Сдохнете в браге.
Скоро вас всех
Будут на кол сажать.
Оп – оп – оп! Они его – цоп!
Пониже пупочка,
Повыше коленочки.
Был барин с бородой.
Смехом да быстро
Обрили его чисто».

Р. Быков

Произошла эта история в стародавние времена. В ту пору, когда христианство еще только пришло на Русь. Шли времена, когда народ еще помнил языческие празднования и гулянья, радовался им, встречал, праздновал, отмечал, строго соблюдая традиции своего народа.

Дело было на Масленицу – гулену, всюду ходил веселый ряженный люд, звался скоморохами. Всякого встречного, повстречавшегося-поперечного веселили те скоморохи, и сами вместе с ними веселились.

Весь честной люд гулял, скоморох их зазывал на качелях качаться, силою тягаться, подушками биться, на кулаках драться, блинами жирными объедаться, сценки смотреть да в снегу валяться!

Так люди готовились зиму холодную провожать да весну-красну зазывать. Люди ряженные-напомаженные, повсюду расхаживали, медведей на цепи водили, а те – морды свои показывали, народ веселили. Ярмарки всюду, чай, леденцы, на тройках катались, звенят бубенцы! Представления игрались, пряники, пиво, да мед – раздавались! Все, что душа захочет, там было, ешь-объедайся, с зимою прощайся!

Тяжкое зимнее время к концу подходило, все доставали припасы на праздник, пили, ели власть, чтобы в Великий Пост потом от голоду не пропасть.

Осьмуша был рыжим, волос густой, кудрявый, нос конопатый – бульбой, некрасивый был. Родился он предпоследним ребенком в семье в убогой деревушке под Киевом. Был Осьмушка в семье восьмым, от того и имя дали такое странное. Семья его была небогата – двор, огород да хата. Выживали, как могли: с хлеба на репу перебивались, и того вдоволь не едали. Отец, хоть и не Иван, а был грозен, любил кулаками помахать, всегда колотил мать, всю семью держал в страхе, и на детей, бывало, руку поднимал.

Детства своего Осьмуша и не помнил – только ходить начал, уже работой, как взрослый, был нагружен: дрова носил, двор мел, печь топил, в огороде копался...

Так подрос он до семи лет, и ему стало от отца доставаться, за все – и в дело и так. Да так сильно отец припекал его розгой, что несколько раз встать малой не мог цельную неделю, но мать выхаживала его, оживал парнишка, и только на ноги поднимался, как снова батрачил. Не смотря на такое детство, которое и детством-то назвать нельзя, Осьмуша вырос смышленным и острым на язык. Всегда ляпнет что-либо, как будто и невпопад, да так точно попадет, что не каждый его словесный укол выдержать спокойно может, потому от отца он чаще других и получал.

Терпел он оплеухи после того еще три года, да только исполнилось ему десять лет, ушел Осьмуша из дома родного куда глаза глядят. Глубокой ночью, пока все спали, тихо встал с печи и, что прыти было в нем, без оглядки бежал подальше от своего дома, от порога родного.

Поначалу прибежав в лес и отдышавшись, он сел под кусток и призадумался, а идти-то и некуда. Несколько дней по лесу мотался, с ягодки на грибок перебивался, пил из ручья, ел с ладошки, спал на подстилке из веток да листвы, а проснувшись, шел дальше по лесу, птиц слушал, на зверушек любовался... и в том же лесу набрел на таких же, бездомных, скитающихся по белому свету, – людей. Они раскинули свои перевозные шатры – палатки и устроили в лесу привал.

Разведенный костер и готовящаяся на нем похлебка сильно щекотали мальчонке ноздри. Он во все глазенки смотрел на огонь из-за дерева, а подойти к людям опасался. Тут его и заприметил один из артистов и поманил к себе рукой.

Так и прибился мальчонка к бродячим музыкантам – скоморохам, как их звали в ту пору, к веселому люду. Память у него прыткая была, сообразил быстро, как выучить скороговорки да песни-потешки, на руках ходить стал, кувырki крутить, да шутки шутить! Полюбился он своим новым братьям своею ловкостью, смышленностью, изворотливостью, такие ребята, в вольной жизни важны, как хлеб ей нужны!

После первых выступлений братья-скоморохи ему объяснили, как калиты срезать.

– А ежели загребут? Увидят да поймают?! – испуганно спросил Осьмуша.

– А загребут – будем драться, от всех отбиваться! Ну, ты смотри, лучше не попадайся...

– Так это ж, как его... Нехорошее это дело... – задумчиво почесал Осьмуша в затылке.

– Много ты хорошего-то видел? – хриплым голосом ответил ему скоморох, тот, что был постарше других.

И Осьмуша замолчал. Отца вспомнил, братца маленького, глазенки его на мокром месте всегда... Сестричку вспомнил старшую, самую любимую, что часто им вместо матери была. Ей тринадцать всего было, а она будто три войны прошла и все с детьми малыми на руках, а в глазах тоска взрослой тетки, сама худущая, кожа да кости, ручки-тростиночки легче были-ночки... Все песни грустные она пела, да так славно пела – волей-неволей заслушаешься, подпевать начнешь, разжалобишься песней душевною, слезу обронишь...

Чуть не заревел Осьмуша при скоморохах-то от таких воспоминаний... Удержался, – другую сестру вспомнил, побойчее, посмелее. Та, хоть и тяжело ей было, рта при отце лишней раз не открывала, не то, чтобы боялась битой быть, а из почитания старшего. Маленьких уж больно любила, кого надо и защитить могла. Сила в ней недюжинная была, что ли, – Осьмуша того не ведал, сам невелик тогда был. Помнил только, что в мать та сестрица пошла характером, да в бабу-травницу по отцовской линии. Знай себе, свое дело делала, вместе с бабушкой травы собирала, сушила, отвары училась делать, настойки всякие, в общем перенимала мастерство. Осьмушка, как все дети малые, наблюдательным рос, думалось ему иногда, что эта сестрица, как ведьма из сказки, коли надо наказать кого – испепелить глазищами своими огромными сможет, а коли согреть надо – согреет. Такая девка была, сам отец при ней не серчал так с дури-то своей пламенной-воспламеняющейся, а гневался скоро, да затихал еще быстрее.

О том, что и в нем такая сила спит, – родня как-никак, Осьмуша не догадывался, не задумывался. Он все больше гнал любые думы прочь, да втихаря печалился о себе любимом, самому себе жалуясь на судьбу с её несправедливостью. И эта жалость к себе такой бунт в нём против всего мира поднимала, казалось, если бы сама жизнь вдруг решила бы предстать перед ним в виде человека, обернулась бы парнем, вот примерно его, Осьмушкиного возраста, подошла к нему и сказала бы вдруг: «Осьмуша, это я всё это задумала для тебя, я, Осьмуша...», то он тотчас бы налетел на этого парня с кулаками и так ему всыпал бы, чтобы уж никогда! Никогда! Чтобы ему и в голову не приходило больше такого для него задумывать! Впрочем, жизни и не нужно было специально оборачиваться никаким парнем. Отдувался-отбивался за свою горестную жизнь Осьмушка со всем «старанием». Очень быстро он научился карманничать, срезал поясные сумки, потом всю добычу делили, да гуляли на чужое добро ворованное. И драки были, и с вилами их люди гнали. А они под видом скоморохов путешествовали ватагой из сорока человек, представления показывали, да своих же зрителей и грабили. А если замечали их, то и побои чинили, иногда и убийства случались. Друг за друга скоморохи горой стояли, отбивались.

Жили сытно, всегда у них было, что поесть и что выпить. Жизнь текла веселая, бродили они везде и всюду. После тяжелого детства, наконец, Осьмуша почувствовал себя человеком вольным. Сначала стыд чувствовал, когда кошельки срезал, потом привык. И когда первого мужика они всей бандой забили насмерть, Осьмушу рвало долго. Но потом прошло и это. Ожесточился он, к семнадцати годам из мальчика мужиком заделался... Рослый детина получился, морда широкая, кудри длинные нечёсанные, плечи – сажень, кулак – кувалда...

И вот как-то, в самую пору, когда Масленица была в разгаре, банда, в которой прижился Осьмуша, готовила представление и брела к небольшой деревушке. Шел снежок. Ватага похатывала, перебрасываясь солеными шутками, стишками, прибаутками, и разогревалась брагой:

- Сколько голов там?! – весело закричал один из ряженных скоморохов.
- Да пятьдесят домов!
- А бабы есть?! – спросил другой – бородач.
- Найдутся!

– Значит будем петь, плясать,
Дни такие, что нельзя нам скучать!
Праздник нужно веселый отмечать!
Зима нынче с весной встречается,
Праздник Масленицы начинается!!! – вступил акробат.

– Я на камушке сижу, слезы мои капают, меня замуж не берут, только усе лапают! – заготовали скоморохи, подыгрывая себе на рубелях, чечетках, балалайках....

Их веселье подхватывал и простой люд:

– Топну я ножкой,

Прихлопну ладошкой,

Поведу очами,

Завлеку речами...

Молодец добрый подходи к девице,

Будем нынче вместе мы веселиться!!!

И снова пошли они перекидываться стишками, прибаутками и ругательными песенками, настолько откровенными, что и самые бывалые веселые люди смутились бы, но, вкусив бражки, пытались подпевать.

«Масленая-гололетье,

Гололетье, люли, гололетье.

Остались наши девки да на летья,

Да на летья, люли, да на летья.

Масленая-уплетушка,

Уплетушка люли, уплетушка —

Остались наши девки вековушки,

Вековушки, люли, вековушки.

Масленая, это я иду,

Это я иду, люли, это я иду.

Прошел мясоед, никак не дойду,

Ой, никак не дойду, люли, никак не дойду.

Масленая у кулёчку,

Ой, у кулёчку, люли, у кулёчку,

Ударила теща зятя по кулёчку,

По кулёчку, люли, по кулёчку» – запевала ватага навеселе и, согревая себя приплясками, двигалась и двигалась по деревне.

Собирались собратья Осьмуши показывать шуточное представление. Разбивались они обычно на три кучки, человек по десять-пятнадцать. Одни акробатику показывали в одном конце деревни, другие веселили – в другом конце, с мешками по дворам колядовали, а третья кучка шарила по опустевшим домам, да сгребала все, что плохо лежит.

Осьмуша должен тогда был остаться с комедиантами. Представление давали про Масленицу, героиней было соломенное чучело. Главный герой, Петрушка, в конце хватал соломенную куклу, совершал неприличные действия над ней, читая срамные стихи. Народ смущался, но отчего-то слушал. Ни восояси не уходил, ни комедиантов не бередил – так и стоял-смотрел на дела дельные беспредельные. Осьмуша все только, как обычно, знай себе, поясные сумки срезал.

Погода стояла безветренная. Или от того, что деревня была за холмом, или так звезды встали в тот вечер, но чудесная была погода – и то правда. Мороза не было, щеки не щипало, сыпал легкий снежок. Праздновать шли не только там, где Осьмушкина банда выступала, гуляли повсюду. На санях катались, хохот везде ходил. Осьмуша кошель-то срезал у бабки

одной в тулупе приталенном, уже было собрался к другой пристроиться, как вдруг голову к дороге повернул и видит – отец на санях троих своих деток везет.

Волна зависти его прямо-таки накрыла с головой. «Этот то не бьет своих, верно... -подумалось ему, и тут же сомнение закралось к нему в душу, – да как не бить? Всех бьют! И этот, наверное, на людях обнимает, а дома... кто его знает...?» Обида, как водится, везде себя саму увидит, и с три короба еще напридумывает того, чего и вовсе нет, и не было никогда. Он вновь вспомнил своего отца, который часто бывал пьян, крепким словцом мог самых младших хлестнуть, а старших и средних и вовсе до полусмерти бил. Осьмуша поморщился даже при этих мыслях.

Снова он нос вытер движением резким, да так на все озлобился – и на этого добренького мужика, и на детей его, которым повезло... Одним словом, на весь белый свет озлобился. Крутанулся он, чтоб сбить горюшко свое горькое, разок на каблучке нечищенном, на ледочке масленичном, и запел с остальными входящими в деревню колкие песни с частушками впере-мешку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.